

«Вальс слугайных
& вст́пер»

Анна Делман

Анна Делман

Вальс случайных встреч

<https://litres.ru/74191199>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три случайные встречи — и жизнь Полины, талантливого хореографа с разбитой мечтой, сталкивается с миром Михаила, успешного ресторатора и отца-одиночки, который давно разучился верить в любовь. Сначала — резкие слова в осеннем парке, потом — горький эспрессо и безнадёжно испорченные ноты, и наконец — неловкий танец на свадьбе друзей, который зажигает искру там, где оба ждали лишь пепла. Казалось, сама судьба разводит их в стороны, но совместный проект — благотворительный Венский бал — вынуждает стать партнёрами. От холодных репетиций до жарких споров, от недоверия до первых робких признаний — их отношения, словно вальс, кружат от ненависти к страсти, от ссор к нежности, пока тени прошлого и чужие интриги не ставят под удар едва родившееся чувство. Смогут ли они сделать главный шаг навстречу друг другу, когда зазвучит последний аккорд? История о том, что случайных встреч не бывает, а любовь, как хороший вальс, способна длиться вечно.

Содержание

Глава 1. Фуэте под дождём	4
Глава 2. Горький эспрессо	12
Глава 3. Свадебный переполох	21
Глава 4. Неслучайный контракт	34
Глава 5. Первый шаг	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анна Делман

Вальс случайных встреч

Глава 1. Фуэте под дождём

Серый октябрьский день дышал в затылок сыростью и обещанием скорых холодов. Городской парк, ещё недавно пылавший багрянцем и золотом, теперь стоял притихший, роняя последние мокрые листья на почерневший асфальт аллеи. Беседка-ротонда — белый мраморный цветок на изящных колоннах — пряталась в глубине старой липовой аллеи. В хорошую погоду здесь гуляли мамы с колясками и фотографировались свадьбы; сегодня же парк был почти пуст, и только редкие прохожие спешили укрыться от накрапывающего дождя.

Полина пришла сюда не для того, чтобы прятаться.

Она стояла в центре ротонды, под куполом, где капли барабанили особенно гулко, и смотрела, как струи воды стекают по желобкам. В студии сегодня был санитарный день, а ей позарез требовалось пространство. Воздух, напоённый влагой и запахом прелых листьев, казался гуще, чем обычно. Он давил на лёгкие, но вместе с тем странно очищал. Полина глубоко вздохнула и, откинув капюшон тонкого плаща, шагнула к центру.

Она скинула мокрые балетки, оставшись в одних тонких носках. Холод мраморного пола обжёг ступни — полезный холод, обостряющий чувства. Вставила наушники, нашла нужный трек — не классику, нет, это была современная обработка вальса, тревожная и надрывная. Музыка хлынула в уши, вытесняя всё лишнее. Она начала с плавного разогрева — наклоны, растяжка, привычные движения, которые тело помнило лучше, чем разум. Травмированное колено привычно заныло, но Полина лишь поморщилась и заставила себя не хромать.

Первый аккорд основной темы — и она взлетела.

Это не была законченная хореография. Скорее импровизация, поток эмоций, которые копились слишком долго. Полина кружилась по кругу, запрокидывала голову, ловила лицом прохладные капли, залетавшие внутрь ротонды. Руки рисовали в воздухе узоры, а ноги выбивали ритм. Фуэте — раз, два, три... На третьем обороте колено предательски стрельнуло, и она чуть не сорвалась, успев ухватиться за холодную колонну. Сердце бешено забилося. «Тише, тише, — шепнула она себе, пережидая боль. — Ещё чуть-чуть. Ты сможешь». Оттолкнувшись от колонны, она снова вышла на середину.

Дождь за её спиной усиливался, превращая парк в размытую акварель. Вода заливала ступени ротонды, но внутри пока было сухо — надёжное убежище. Именно в этот момент по аллее быстрым шагом почти бежали двое.

— Папа, ну скорее! Я вся мокрая! — звонкий детский голос перекрыл шум ливня.

Михаил Корнеев ругал себя за то, что вообще согласился на эту прогулку. Забрал дочь из садика пораньше — редкое окно в графике, — решил порадовать Аню прогулкой в парке перед тем, как ехать в ресторан. И вот пожалуйста: небо, только что хмурившееся, прорвало, будто в отместку. Он крепко держал пятилетнюю дочь за руку, другой пытается натянуть край своего дорогого кашемирового пальто ей на голову. Толку от этого было мало: ярко-жёлтый дождевик Ани уже блестел от воды, с капюшона капало, но девочка смеялась, запрыгивая в лужи резиновыми сапожками.

— Вон туда, под крышу! — скомандовал Михаил, заметив белеющую сквозь пелену ротонду.

Они влетели под каменные своды, тяжело дыша. Михаил стряхнул воду с волос, пригладил их пятернёй и тут же полез в карман за вибрирующим телефоном. Едва взглянул на экран — гримаса досады исказила его лицо.

— Да, Игнат, слушаю. Что значит «семга не пришла»?.. А ты куда смотрел? У нас банкет в пятницу! — Он отошёл на пару шагов, инстинктивно заслоня собой Аню от дождя, и вполголоса продолжил разговор, полный резких, рубленых фраз.

Аня тем временем замерла, распахнув голубые глаза. Она потянула отца за рукав:

— Пап, смотри...

— Подожди, Ань, — отмахнулся Михаил, продолжая втолковывать поставщику прописные истины.

Но девочка не отрывала взгляда от женщины в центре ротонды. Та танцевала. Кружилась так, что мокрые пряди волос разлетались веером, взметая брызги. Мокрая ткань плаща облепила фигуру, но движения оставались лёгкими, почти невесомыми. Аня, ещё недавно просившаяся на балет, смотрела как заморожённая. Ей казалось, что это вовсе не женщина, а фея, случайно залетевшая под крышу переждать непогоду.

Михаил наконец завершил разговор, сунул телефон в карман и проследил за взглядом дочери.

И застыл.

Незнакомка делала фуэте. Одно, второе, третье. Она крутилась, балансируя на грани падения, и это было красиво, даже слишком красиво для промозглого буднего дня. Михаил умел ценить эстетику — его рестораны славились не только кухней, но и безупречным оформлением, — но сейчас он смотрел на танец с какой-то застарелой, почти личной обидой. В памяти на миг всплыло лицо Валерии, её холодные слова: «Ты слишком прагматичен. Ты не способен понимать тонкие материи». Он мотнул головой, отгоняя наваждение.

Музыка в наушниках танцовщицы достигла крещендо. Полина, совершенно забывшая о зрителях, сделала последнее вращение и замерла, тяжело дыша. Капли дождя, занесённые ветром, оседали на её разгорячённом лице. Она мед-

ленно открыла глаза, потянулась, чтобы снять наушники — и именно в этот момент услышала то, что не предназначалось для её ушей.

— Красиво, конечно, — задумчиво произнёс мужской голос, явно обращённый к ребёнку. — Но только какой в этом практический толк? Танцами ведь на жизнь не заработаешь.

Тишина взорвалась.

Полина обернулась резче, чем следовало бы. В глазах заплескалась смесь гнева и старой, незаживающей боли. Она увидела высокого мужчину в дорогом пальто, с властным, чётко очерченным лицом, и маленькую девочку в жёлтом дождевике. Мужчина ещё держал в руке телефон, а на его лице застыло выражение лёгкого превосходства — так смотрят на уличных музыкантов, подавая мелочь.

— Простите? — Её голос прозвучал звонко, перекрывая шум ливня.

Михаил дёрнулся, поняв, что его услышали. Он не собирался её обидеть. Просто ляпнул первое, что пришло в голову, уставший после трудного дня и неприятного звонка. В конце концов, он сказал это дочери, а не ей. Однако отступить было поздно.

— Я говорю, красиво, — повторил он, встречая её взгляд с той спокойной уверенностью, которая так часто бесила его подчинённых. — Но в нашем мире нужно стоять на ногах прочно. А вы тут... порхаете под дождём. Романтично, спору нет.

Полина медленно, стараясь не хромать, подошла ближе. Её щёки горели.

— Вы, я вижу, отлично разбираетесь и в балете, и в экономике, — голос её сочился ядом. — Наверное, поэтому стоите здесь и раздаёте бесплатные советы вместо того, чтобы заниматься своим... прочным бизнесом.

— Папа у меня ресторатор! — гордо вставила Аня, не улавливая напряжения. — У него три ресторана! И он вкусно готовит!

Полина перевела взгляд на девочку. Гнев немного отступил, сменившись усталостью. Не при ребёнке же устраивать разборки.

— Рада за вас, — сухо сказала она, поднимая с пола свои балетки и сумку. — Советую в следующий раз думать, что вы говорите вслух. Тем более при дочери.

Михаил, чувствуя, что перегнул палку, сделал шаг вперёд: — Послушайте, я не хотел вас задеть. Просто... вы правда считаете, что это серьёзно? В вашем возрасте скакать по паркам, когда нормальные люди работают?

Это был удар ниже пояса. «В вашем возрасте». Полине было двадцать шесть, но он говорил так, будто перед ним легкомысленная студентка. Она сжала челюсти.

— В моём возрасте, — отчеканила она, — люди имеют право заниматься тем, что любят. А что до работы — я хореограф. И в отличие от некоторых, не сужу о том, чего не знаю. Хорошего дня.

Она развернулась и, не дав себе слабину, шагнула под дождь. Холодная вода мгновенно обрушилась на плечи, но это даже помогало — остужало кипящую кровь. Она слышала, как за спиной девочка что-то взволнованно говорит отцу: «Папа, ну зачем ты так? Она ведь как Элиза из моего мультика!» — но не обернулась.

Михаил остался стоять в ротонде с неприятным осадком. Аня дёргала его за рукав, почти плача от обиды за «тётю-фею». Он смотрел вслед удаляющейся фигуре — мокрой, хрупкой, но с гордо расправленными плечами — и чувствовал себя непроходимым болваном.

— Пойдём, пап? — тихо спросила Аня. — Ты злой.

— Я не злой, — вздохнул он, беря дочь на руки. — Я просто устал.

Но глядя, как Полина исчезает за пеленой дождя, он вдруг поймал себя на странной мысли: ему почему-то захотелось увидеть её танец ещё раз. Но без своих глупых комментариев.

А Полина шла по аллее, глотая слёзы пополам с дождём. Она ненавидела таких вот самоуверенных типов, которые привыкли покупать всё — продукты, услуги, мнения. Колено ныло, а в голове вертелось: «Танцами не зарабатываешь». Она-то знала, что это не так. Просто её жизнь после травмы — это сплошное «почти». Почти сцена, почти успех, почти любовь. А теперь ещё и почти уважение незнакомца.

«Ну и пусть, — подумала она, сворачивая к остановке. —

Я ещё потанцую. Назло всем прагматикам мира».

В мокрой руке она сжимала наушники, из которых ещё доносился призрачный ритм вальса. Той самой мелодии, которая ещё не раз сведёт их вместе — совсем не случайно.

Первая встреча закончилась грозой. Но дождь всегда заканчивается, уступая место солнцу. Правда, пока ни он, ни она об этом даже не догадывались.

Глава 2. Горький эспрессо

Дождь за окнами кофейни «У мельницы» сменился мелкой, нудной моросью. Заведение пахло свежемолотым кофе, ванилью и чуть подгоревшим сахаром — запахами уюта, которые так контрастировали с настроением Полины. Она сидела за угловым столиком у панорамного окна, сжимая в озябших пальцах кружку с обжигающим американо. Мокрый плащ сиротливо висел на спинке стула, а волосы, не до конца высохшие, всё ещё липли к вискам.

Прошло три дня с того странного, унижительного столкновения в ротонде. Полина гнала от себя воспоминания о высокомерном незнакомце и его хлёсткой фразе «танцами на жизнь не заработаешь», но они возвращались — особенно по ночам, когда предательски ныло больное колено. Она запретила себе думать об этом. В конце концов, у неё были дела поважнее.

Перед ней на столе лежала старая, потрёпанная тетрадь с нотами. Это была та самая партитура «Осеннего вальса» — сложной, почти забытой мелодии, которую её бабушка-пианистка когда-то переписала от руки для юной Полины. Ноты, выцветшие от времени, покрытые карандашными пометками на полях: «здесь мягче», «дышать перед аккордом», «полёт». Полина бережно переворачивала страницы, пытаясь по памяти восстановить стёршиеся фрагменты. Она задумала

поставить на основе этого вальса выпускной номер для старшей группы — и он должен был стать шедевром. Её маленькая студия не могла похвастаться громким именем, но Полина верила: танец сам расскажет о себе.

Она отхлебнула кофе, поморщилась — напиток был чуть горче, чем хотелось бы, — и вновь склонилась над нотами, тихо напевая мелодию себе под нос.

У барной стойки тем временем назревала гроза иного рода.

Михаил Корнеев стоял, опершись локтями о мраморную столешницу, и смотрел на управляющего кофейни с тем выражением лица, от которого персонал трёх его ресторанов впадал в священный трепет. Игнат, молодой рыжебородый парень в фирменном фартуке, нервно переминался с ноги на ногу и комкал в руках салфетку.

— Ты хочешь сказать, что это и есть наш новый фирменный эспрессо? — Голос Михаила звучал негромко, но каждое слово было точно удар хлыста. — Я пробую эту жижу и не чувствую ничего, кроме горечи и разочарования.

— Михаил Дмитриевич, это та самая арабика из новой обжарки, которую вы сами утвердили... — начал было Игнат.

— Я утвердил зерно, а не кривые руки бариста, — перебил Михаил. — Где Денис?

— Заболел. Я поставил Стаса, он стажёр...

— Стажёр? — Михаил усмехнулся и пододвинул чашку обратно. — Поздравляю, мы только что потеряли трёх по-

тенциальных постоянных клиентов, которые это попробовали. Переделать. Я лично попробую каждую чашку, которую ты мне сегодня принесёшь. И если она будет такой же — лично займусь обучением персонала, но тебе это не понравится.

Игнат побледнел, кивнул и бросился к кофемашине. Михаил же, тяжело вздохнув, окинул взглядом зал. Кофейня «У мельницы» была его любимым детищем: кирпичные стены, приглушённый свет, тактильно приятная мебель и меню, которое он прорабатывал лично. Здесь всё дышало его представлением о качестве. И сейчас, в разгар неудачного дня — сорванная поставка рыбы для «Высоты», проблемы с персоналом, дурацкое утро с застрявшей в пробке няней — он был особенно зол на любое несовершенство.

— Ладно, — сказал он, поворачиваясь к Игнату, который уже колдовал над новой порцией. — Пока ты спасаешь репутацию заведения, покажи мне накладные по десертам за последнюю неделю. Я хочу понять, почему чизкейк в отчётах значится, а в реальности он вечно списан в утиль. Где логистика? Где...

Он резко шагнул в сторону, жестикулируя, и в этот самый момент Полина, которая как раз поднялась из-за столика, чтобы попросить у стойки стакан воды, оказалась на его пути.

Столкновение было молниеносным и катастрофичным.

Михаил, не глядя, задел её локоть плечом. Полина, потеряв равновесие от неожиданного толчка, дёрнулась вперёд

— и чашка с эспрессо, которую Игнат только что поставил на стойку для шефа, взлетела в воздух. Горячий, почти чёрный кофе широким веером плеснул на стойку, на рукав Михаила — и, самое страшное, на ноты, которые Полина инстинктивно прижала к груди в момент падения.

На секунду в кофейне повисла звенящая тишина.

Полина смотрела на партитуру, и мир перед её глазами сужался до безобразного, расплзающегося коричневого пятна. Чернила поплыли. Бабушкины пометки, восстановленные с таким трудом куски мелодии — всё тонуло в горькой лужице. От страниц поднимался пар, смешанный с запахом кофе.

— О господи, — выдохнула она, и голос её дрогнул.

Михаил, чьё раздражение ещё не успело остыть от разговора с Игнатом, развернулся к виновнице инцидента с выражением крайней досады на лице. Он быстро окинул взглядом девушку — мокрые волосы, простая одежда, — и первым его порывом было оценить ущерб не с человеческой, а с деловой точки зрения.

— Чёрт, — процедил он, стряхивая капли с манжеты. — Вы всегда такая... резвая?

Полина подняла на него глаза, и слова застряли у неё в горле.

Голос. Эти властные, рубленые интонации. Она узнала его мгновенно — ещё до того, как сознание сопоставило лицо с фигурой в дорогом пальто из ротонды. Тот самый мужчина,

который три дня назад смотрел на её танец и цедил снисходительные фразы.

Щёки Полины вспыхнули, но теперь к гневу от порчи нот прибавилась жгучая, почти иррациональная ненависть.

— Я? — выдохнула она, поднимая мокрую тетрадь. — Это вы! Вы... вы врезались в меня!

Михаил нахмурился, всматриваясь в её лицо. Было в ней что-то смутно знакомое, какая-то тень из недавнего прошлого, но он не мог уловить ассоциацию. Утренний парк, дождь, танцующая фигура — всё это уже вылетело из его головы, вытесненное делами. Он видел перед собой просто расстроенную девушку с испорченными бумагами.

— Я не врезался, — поправил он тоном, не терпящим возражений. — Вы подошли слишком близко, когда я...

— Я шла к стойке! — перебила Полина, и голос её зазвенел. — Вы же никого вокруг не замечаете, занятый своими... важными делами!

Игнат за стойкой сделал шаг назад, предпочитая не вмешиваться. Посетители начали оборачиваться. Михаил, почувяв публичную сцену, инстинктивно переключился в режим менеджера: конфликт нужно гасить быстро и без лишних эмоций.

— Так, — сказал он холодно, доставая бумажник. — Я возьму. Сколько стоят эти ваши... бумаги? Пять тысяч хватит? Десять?

Он положил на стойку несколько купюр — так, словно

ставил подпись под очередным скучным контрактом.

Полина смотрела на деньги, и в груди у неё что-то оборвалось. Это было даже хуже, чем дурацкая фраза в парке. Там он хотя бы говорил о ней, пусть и пренебрежительно. Здесь же он просто пытался купить её отсутствие. Словно её труд, её память, её бабушкины ноты — это расходный материал.

— Уберите, — сказала она тихо, но так, что Михаил невольно задержал движение. — Эти ноты переписывала моя бабушка. Они — единственное, что у меня от неё осталось. Их нельзя оценить в десять тысяч.

Повисла пауза. Михаил встретился с ней глазами и впервые за этот разговор увидел не просто «девушку с претензией», а живого человека с болью. Но он не привык извиняться. Его мир был миром прагматики, и даже сейчас, ощутив укол совести, он предпочёл защищаться.

— Я не знал, — произнёс он ровно. — Но это ничего не меняет. Если вы шли и держали в руках ценную вещь, нужно было быть внимательнее.

Вот оно. «Быть внимательнее». Полина вдруг рассмеялась — коротким, невесёлым смехом, от которого Михаилу стало не по себе.

— Знаете, — сказала она, сжимая мокрую тетрадь так, что побелели костяшки, — вы удивительно последовательны. Три дня назад в парке вы тоже учили меня жизни и внимательности. Я тогда ещё подумала: «Какой неприятный тип». Оказывается, я была права. Спасибо, что подтвердили.

Она развернулась, собираясь уйти, но Михаил вдруг осознал: парк, танец, мокрая фигура под куполом... Так это была она. Та самая танцовщица, после которой Аня весь вечер кружилась по гостиной, а он сам полночи лежал без сна, ругая себя за грубость. Теперь он узнал её — по гордой посадке головы, по тому, как она, несмотря на явную хромоту (он заметил, как она чуть припадает на правую ногу), старалась идти ровно.

— Подождите, — вырвалось у него. — Так это вы... в ротонде.

Полина замерла на полпути, но не обернулась.

— Я, — бросила она через плечо. — Прощайте.

Она толкнула дверь, и в кофейню ворвался сырой ветер. Михаил сделал было шаг следом, но тут же одёрнул себя. Он не бегает за обиженными незнакомками. И всё же что-то зудело внутри — непривычное, раздражающее чувство вины.

— Игнат, — позвал он, не оборачиваясь.

— Да, Михаил Дмитриевич?

— Принеси новую порцию эспresso, — он помолчал. — И... запиши ущерб за мой счёт. Столик, чашка, кофе.

Он подошёл к тому месту, где минуту назад стояла Полина. На полу осталась лужица кофе, в которой плавал обрывок нотной страницы. Михаил нагнулся и осторожно поднял его. Бумага размокла, но несколько тактов ещё можно было разобрать. Над нотным станом изящным старческим почерком было выведено: «Здесь — сердце вальса. Дышать».

Он повертел ключок в пальцах, потом машинально сунул в карман пиджака.

— Михаил Дмитриевич, — Игнат кашлянул, — она забыла... Вернее, вы ей дали, а она не взяла. Ваша визитка. На стойке осталась.

Михаил взял картонный прямоугольник с золотым тиснением: «Ресторанный дом Корнеев». Он сам, выходит, оставил её — машинально, как делал десятки раз, разруливая конфликты с поставщиками или подрядчиками. Визитка была мокрой от пролитого кофе, уголок загнулся.

— Выкинуть? — спросил Игнат.

— Нет, — медленно сказал Михаил. — Оставь. Вдруг... вдруг она ещё вернётся.

Он и сам не знал, зачем это сказал. В конце концов, ноты испорчены, девушка обижена, а его день испорчен окончательно. Но в кармане пиджака лежал влажный обрывок со словами «сердце вальса», и это ощущалось почти как знак. Как напоминание о том, что он — Михаил Корнеев, ресторатор, прагматик, циник — впервые за долгое время не смог просто заплатить и забыть.

А Полина шла под морозящим дождём, прижимая к груди испорченные ноты, и кусала губы, чтобы не расплакаться. В одном она была уверена твёрдо: этого человека она больше никогда не хочет видеть. Вселенная, однако, как известно, имеет своеобразное чувство юмора — особенно когда речь идёт о случайных встречах, которые на самом деле совсем

не случайны.

Глава 3. Свадебный переполох

Загородный банкетный комплекс «Белая усадьба» сиял огнями, словно новогодняя игрушка. Белоснежный особняк с колоннами, утопающий в золоте клёнов и багрянце рябин, был создан именно для таких событий — пышных, хмельных, пропитанных смехом и слезами умиления. Сентябрьское солнце клонилось к закату, окрашивая облака в нежные оттенки розового и персикового, а воздух, ещё по-дневному тёплый, пах яблоками и хвоей.

Полина приехала сюда в девять утра, задолго до первых гостей. Она нервничала так, словно сама собиралась идти к алтарю. Ещё бы: её постановка первого танца молодожёнов была не просто работой, а подарком лучшей подруге. Лена, сияющая невеста с ямочками на щеках, смотрела на неё огромными, полными надежды глазами, и Полина понимала — провала быть не может.

Репетицию устроили прямо в банкетном зале, пока официанты сервировали столы и поправляли цветочные композиции. Жених, Кирилл — добродушный увалень с руками, привыкшими не к танцам, а к рулю мотоцикла, — старательно топтался, считая шаги вслух.

— Раз-два-три, раз-два-три... Ой, Ленка, прости!

— Наступаешь! — хохотала невеста, но в глазах у неё плясали бесенята. — Полин, он безнадежен!

— Ничего, — улыбнулась Полина, поправляя край длинной юбки и подходя ближе. — Кирилл, запомни: вальс — это дыхание. Ты не ведёшь её силой, ты приглашаешь следовать за тобой. Рука чуть выше. Да, вот здесь. Чувствуешь?

Она положила ладонь на его плечо, направляя, и Кирилл, к собственному удивлению, вдруг сделал несколько плавных шагов. Лена восхищённо выдохнула.

— Ты волшебница, — сказала она Полине. — Никто, кроме тебя, не справился бы.

Полина отступила, давая паре возможность пройти всю композицию. Музыка — та самая мелодия «Осеннего вальса», которую она с таким трудом восстанавливала по обрывкам бабушкиной партитуры, — наполнила зал. Сердце её сжалось. Ноты были испорчены, но мелодия жила в ней. И сейчас, глядя, как Лена и Кирилл кружатся под эти звуки, она чувствовала гордость пополам с болью.

«Здесь — сердце вальса. Дышать». Бабушка знала, о чём писала.

После репетиции Полина помогла Лене облачиться в пышное платье цвета айвори, поправила фату, вдохнула запах ландышей из букета. Свадьба обещала быть идеальной. Лена, заметив её молчаливую сосредоточенность, вдруг обняла подругу:

— Спасибо тебе. За всё. И, знаешь... — она хитро прищурилась, — сегодня будет один интересный гость. Друг Кирилла, Миша. Я тебе о нём рассказывала, помнишь? Ресторан...

ратор, красивый, правда, колючий как ёж. Но сердце у него золотое. Один воспитывает дочку. Может, познакомитесь?

Полина напряглась. Фамилию Лена не назвала, но имя — Миша, ресторатор, колючий — отозвалось тревожным эхом. Она отмахнулась, списав это на совпадение. В конце концов, Михаил — не такое уж редкое имя.

— Лен, я сегодня на работе, — улыбнулась она, пряча неловкость. — Мне не до знакомств.

Но в глубине души уже заворочался неприятный холодок. Торжественная церемония прошла в яблоневом саду под открытым небом. Полина стояла в стороне, готовая в любой момент поправить шлейф или подать кольца. Слезы умиления — Лена плакала от счастья, Кирилл волновался — тронули даже её, обычно сдержанную. Когда молодожёны обменялись клятвами и под аплодисменты направились к бальному залу, Полина выдохнула. Первая часть прошла без сучка и задоринки.

Она чуть задержалась в холле, поправляя причёску перед большим зеркалом в золочёной раме. На ней было элегантное тёмно-синее платье в пол — достаточно строгое, чтобы не затмевать невесту, но всё же подчёркивающее тонкую талию и плавные линии фигуры. Волосы, уложенные в низкий пучок, открывали шею. На туфлях без каблука (предатель-колени требовало поблажек) она стояла легко, почти как в балетках.

Именно в этот момент входная дверь распахнулась, впус-

кая в холл порыв прохладного ветра и высокого мужчину в отлично сшитом тёмно-сером костюме.

Полина замерла с поднятой рукой, так и не поправив выбившуюся прядь.

Мужчина поднял голову, стряхивая с плеч невидимые пылинки, и их взгляды встретились в зеркале.

Это был он.

Михаил Корнеев, собственной персоной. Тот самый наглец из парка. Тот самый хам из кофейни.

Мир вокруг на мгновение замер, словно кто-то выключил звук. Полина видела, как расширяются его глаза — он тоже узнал её. Узнал мгновенно, безошибочно. В его взгляде промелькнула целая гамма эмоций: удивление, узнавание, досада, и где-то глубоко — тень вины, которую он поспешил прикрыть привычной броней иронии.

— О, — выдохнул он, делая шаг вперёд. — Так это вы.

Голос прозвучал негромко, но в пустом холле эхо разнесло его до последнего уголка. Полина медленно опустила руку и обернулась.

— Я, — сказала она сухо. — Как видите.

Повисла неловкая пауза. Михаил оглядел её с ног до головы — теперь уже не как случайную прохожую в парке или неуклюжую посетительницу кофейни, а как женщину на светском мероприятии. И, судя по тому, как чуть дрогнули его брови, увиденное ему... понравилось. Но он тут же спрятал эту мысль за дежурной полуулыбкой.

— Не знал, что вы знакомы с Леной и Кириллом, — произнёс он, делая ещё шаг. — Впрочем, после двух наших... столкновений, я уже ничему не удивляюсь. Вселенная, кажется, решила свести нас любой ценой.

— Вселенная тут ни при чём, — отрезала Полина. — Просто у нас общие друзья. Уверена, если бы я знала, что вы — тот самый Миша, друг Кирилла, я бы... морально подготовилась.

Михаил усмехнулся — на этот раз почти искренне.

— А я, если бы знал, что вы — та самая Полина, хореограф и лучшая подруга Лены, возможно, тоже. Но Лена, рассказывая о своей гениальной подруге-танцовщице, опустила детали внешности. И про парк. И про кофе.

— И про ваше очаровательное умение портить людям жизнь — тоже, — парировала Полина.

Михаил вздохнул, снимая пиджак и перекидывая его через руку. Он выглядел усталым — тени под глазами, слегка растрёпанные ветром волосы, — но держался всё так же прямо, источая ту особую харизму, которая заставляла людей либо восхищаться, либо ненавидеть.

— Послушайте, — начал он примирительно, — я понимаю, что наши прошлые встречи оставляли желать лучшего. Но сегодня свадьба наших друзей. Может, заключим временное перемирие? Ради них.

Полина хотела было ответить колкостью, но вдруг осеклась. Он был прав. Лена так ждала этого дня, и ссора меж-

ду подругой невесты и другом жениха точно не входила в её представления об идеальной свадьбе.

— Хорошо, — сказала она после паузы, вкладывая в голос всю сдержанность, на какую была способна. — Перемирие. Но только до конца банкета.

— Договорились, — кивнул Михаил и, чуть помедлив, добавил: — И... я сожалею о нотах. Правда. В тот день я был не в себе.

Полина моргнула. Извинение? От него? Она не была готова к такому повороту. Прежний Михаил скорее сунул бы ей купюру и ушёл. А этот — стоял, глядя ей в глаза без вызова, и в глубине его карих зрачков читалось что-то человеческое.

— Я... спасибо, — выдавила она. — Ноты, конечно, не восстановить, но мелодия осталась. Она сегодня звучит для Лены и Кирилла.

Михаил нахмурился, прислушиваясь. Из-за дверей балльного зала доносилась тихая музыка — гости собирались, оркестр настраивался.

— Это та самая мелодия? — спросил он. — «Осенний вальс»?

— Вы запомнили название? — удивилась Полина.

— У меня дочь, — пожал плечами он. — Аня все уши прожужжала про «тётю-фею», которая танцевала под дождём. И ещё спрашивала, не нашёл ли я её. Теперь я, кажется, смогу дать положительный ответ.

В его голосе прозвучала теплая, почти отцовская нотка.

Полина на мгновение представила себе ту девчушку в жёлтом дождевике, и ледяная броня дала трещину.

— Как она? — спросила она неожиданно для самой себя.

— Ждёт, когда я наконец запишу её в балетную студию, — ответил Михаил с усмешкой. — Уже трижды рисовала меня в балетной пачке. Репутация под угрозой.

Полина невольно прыснула, прикрыв рот ладонью. Напряжение чуть-чуть отпустило. Они стояли в холле, разделённые метром паркета, и впервые за всё время не пытались друг друга укусить. Это было странно, непривычно... и почти приятно.

Из зала донеслись аплодисменты — видимо, молодожёны вошли. Полина встрепенулась:

— Мне нужно идти. Первый танец сейчас начнётся.

— Конечно, — Михаил посторонился, пропуская её. — Увидимся за столом.

За столом они действительно оказались рядом. Лена, с присущей ей свадебной деспотичностью, рассадил гостей так, чтобы «всем было весело», и место подружки невесты каким-то чудом оказалось по соседству с местом друга жениха. Полина, увидев карточки, бросила на Лену убийственный взгляд, но невеста лишь подмигнула: «Я всё вижу!».

Так они и сидели весь вечер: плечом к плечу, вынужденные поддерживать светскую беседу. Говорили о пустяках — о погоде, о меню (тут Михаил оживился, ведь банкет обеспечивал его собственный ресторан), о том, как неловко чув-

ствуют себя одинокие люди на свадьбах. Постепенно разговор становился всё менее натянутым. Михаил оказался остроумным собеседником, когда не пытался самоутвердиться, а Полина — не такой уж колючей, когда ей не наступали на больную мозоль.

Первый танец молодожёнов прошёл идеально. Кирилл не сбился ни разу, Лена сияла, а гости утирали слёзы. Полина смотрела на них из-за стола, и сердце её наполнялось гордостью пополам с той особенной тоской, которую всегда испытывают одинокие творцы, видя плоды своих трудов в чужих счастливых руках.

— Это вы ставили? — спросил Михаил, когда танец закончился и зал взорвался овациями.

— Да, — кивнула она.

— Красиво. Очень. И никакой практической пользы, — добавил он с каменным лицом, но в уголках губ уже пряталась улыбка.

Полина повернулась к нему и встретила его взгляд. На мгновение ей показалось, что сейчас она обидится, но вместо этого она вдруг рассмеялась:

— Вы неисправимы.

— Стараюсь, — ответил он, и в его глазах заплясали искры.

Вот тут-то Лена и нанесла решающий удар.

Ближе к полуночи, когда гости уже разогрелись шампанским и начали выходить на танцпол, невеста вдруг взяла

микрофон и, сияя, объявила:

— А теперь, дорогие гости, я хочу нарушить правила! Давайте устроим белый танец! Но не простой. Я хочу, чтобы моя лучшая подруга Полина и лучший друг Кирилла Миша станцевали его первыми. Миш, — она обернулась к их столу, и её глаза блеснули озорством, — пригласи даму!

Зал заплодировал, засвистел. Гости, разгорячённые вином и весельем, с радостью поддержали идею. Полина почувствовала, как кровь приливает к щекам. Она метнула на Лену взгляд, полный паники и обещания долгой расправы, но подруга лишь послала ей воздушный поцелуй.

Михаил, на которого уставились десятки глаз, на секунду замер. На скулах его заходили желваки. Он не танцевал. Никогда. Разве что в детстве, с мамой, наступая ей на ноги. Но отказаться сейчас означало бы поставить в неловкое положение и себя, и Полину, и молодожёнов. Он медленно поднялся, поправил галстук, и, повернувшись к Полине, протянул ей руку.

— Ну что, — сказал он с той самой усмешкой, которая сводила с ума его подчинённых, — потанцуем? Обещаю не наступать вам на ноги.

Полина хотела отказаться. Очень хотела. Но музыка уже заиграла, и это был вальс. Тот самый «Осенний вальс», который она так любила. И рука Михаила — широкая, тёплая, чуть влажная от волнения — висела в воздухе, ожидая её ответа.

Она вложила пальцы в его ладонь.

— Только попробуйте испортить мне танец, — шепнула она, поднимаясь.

Они вышли в центр зала. Гости расступились, образовав круг. Михаил положил руку ей на талию — осторожно, словно боялся сломать. Полина ощутила жар его пальцев сквозь тонкую ткань платья и едва не вздрогнула.

— Левую руку выше, — скомандовала она шёпотом. — Правая не должна сползать. Смотрите мне в глаза, а не под ноги.

— Это сложнее, чем управлять рестораном, — пробормотал он, но послушно выпрямился.

Первые такты были неловкими. Михаил двигался скованно, словно деревянный манекен, и Полина чувствовала, как напряжены его плечи. Она сама была зажата, как струна, готовая порваться от любого неверного движения. Но музыка делала своё дело — плавная, тягучая, наполненная дыханием осени. И где-то на третьем повороте что-то изменилось.

Они вдруг попали в ритм.

Раз-два-три. Раз-два-три. Шаг, поворот, скольжение. Михаил не был грациозным, но в его движениях появилась уверенность. Полина, забыв о роли строгого хореографа, позволила себе просто следовать. Их взгляды встретились и больше не разрывались. Мир вокруг исчез — растворился в приглушённом свете, в золотых отблесках свечей, в тихом шорохе платьев.

— У вас получается, — прошептала Полина.

— У меня хороший учитель, — ответил он так же тихо.

В его голосе не было прежней иронии. Было что-то иное — тёплое, удивлённое, почти благоговейное. Полина вдруг поняла, что они кружатся в самом сердце вальса, в том самом моменте, который её бабушка пометила словами «здесь — дышать». И она дышала. И он дышал. В унисон.

Танец закончился слишком быстро. Последний аккорд, и зал взорвался аплодисментами — куда более бурными, чем того требовала ситуация. Полина замерла, всё ещё стоя в кольце его рук. Михаил смотрел на неё сверху вниз, и в его карих глазах отражалось пламя свечей.

— Это было... — начал он.

— Странно, — подсказала она.

— Невероятно, — закончил он.

Он отпустил её. Полина отступила на шаг, чувствуя, как колотится сердце. Они стояли посреди танцпола, а вокруг уже кружились другие пары. Лена, мелькнувшая где-то рядом, показала Полине большой палец.

— Спасибо за танец, — сказал Михаил, вновь надевая маску светского спокойствия.

— Спасибо, что не наступали на ноги, — ответила Полина и, не удержавшись, добавила: — И за ноты. Я, кажется, так и не сказала вам «спасибо» за то, что вы хотя бы попытались.

— Это не восстановит их, — покачал он головой. — Но если вы позволите, я хотел бы...

Что именно он хотел, Михаил не договорил. В этот момент к ним подлетела раскрасневшаяся Лена и, схватив обоих за руки, закулила в общем хороводе. Веселье понеслось дальше, не давая времени на серьёзные разговоры.

Остаток вечера они провели порознь, но каждый ловил себя на том, что ищет другого глазами. Полина замечала, как Михаил стоит у колонны с бокалом шампанского и смотрит на неё с непонятным выражением. А Михаил, в свою очередь, видел, как она смеётся с подругами, и в груди его разливалось незнакомое тепло.

Когда гости начали разъезжаться, они снова столкнулись в гардеробе. Михаил помог ей накинуть плащ, и его пальцы на мгновение задержались на её плечах.

— Третья встреча, — сказал он негромко. — Говорят, Бог троицу любит.

— Или это просто статистика, — отозвалась Полина, поправляя воротник.

— Не знаю, — он задумчиво посмотрел в окно, где занялся рассвет. — Я не верю в мистику. Но с вами... всё иначе.

Она ничего не ответила. Лишь слабо улыбнулась и, кивнув на прощание, вышла в прохладное утро. В кармане плаща она обнаружила визитку — ту самую, «Ресторанный дом Корнеев», которую когда-то оставила на стойке в кофейне. Визитка была чуть помята, уголок загнут, но на обороте теперь виднелась надпись, сделанная от руки: «Я всё ещё со-

жалею. И хочу загладить вину. Позвоните, когда будете готовы. М.».

Полина смотрела на визитку долго, пока такси не свернуло на её улицу. Третья встреча подошла к концу. Но теперь она почти не сомневалась: четвёртой не избежать. И это уже не пугало.

Глава 4. Неслучайный контракт

Две недели пролетели как один бесконечный, наполненный делами день. Октябрь вступил в свои права, раскрасив город всеми оттенками охры и багрянца. В витринах кофейен появились тыквенные латте, а тротуары устлал шуршащий ковёр листвы. Но Полина почти не замечала этой красоты. Каждое утро она просыпалась с одной и той же мыслью: «Деньги. Где взять деньги?».

Её крохотная танцевальная студия «Арабеск», приютившаяся в полуподвале старого дома на тихой улочке, дышала на ладан. Арендная плата росла, а ученики, наоборот, убывали — кризис, говорили родители, урезая расходы на «необязательное». Из трёх групп остались две, да и те неполные. Полина экономила на всём: сама мыла полы, сама чинила растянувшиеся станки, сама бегала по городу, расклеивая объявления о наборе. Денег едва хватало, чтобы платить за аренду, и каждый месяц становился игрой на выживание.

В то утро она сидела в крохотном кабинетике, заставленном коробками с костюмами, и вертела в пальцах визитку. «Ресторанный дом Корнеев». На обороте — размашистая надпись: «Я всё ещё сожалею. И хочу загладить вину. Позвоните, когда будете готовы. М.». Визитка пахла кофе — тем самым эспрессо, который когда-то залил бабушкины ноты. Полина не позвонила. Гордость не позволяла. После то-

го странного, почти волшебного танца на свадьбе Лены, она запретила себе думать о Михаиле. «Он просто умеет пускать пыль в глаза», — убеждала она себя по дороге домой. Но визитку не выбросила. Сунула в ящик стола, где она и лежала теперь, словно напоминание о неоконченном разговоре.

— Глупости, — сказала Полина вслух и бросила визитку обратно в ящик. — У меня нет времени на «заглаживание вины».

Она встала и прошла в зал. Сегодня была суббота, а значит — младшая группа. Десять девочек в розовых купальниках и белых колготках усердно тянули носочки, стараясь повторить упражнение. Полина ходила между ними, поправляла спинки, придерживала за локотки — и на полтора часа забывала обо всём. Здесь, среди музыки и детского смеха, она снова чувствовала себя на своём месте. Не великой балериной, которой не суждено было стать, а той, кто может зажечь искру в других.

Но когда урок закончился и затихли последние шаги, реальность навалилась с новой силой. На столе её ждал конверт с логотипом арендодателя — счёт за следующий месяц, и сумма в нём была настойчивой и пугающей. Полина опустилась на стул и закрыла лицо руками. До конца недели нужно найти деньги, иначе студия закроется.

Тем временем в сердце города, на пятнадцатом этаже де-

лового центра с панорамным видом на реку, Михаил Корнеев стоял перед маркерной доской, исписанной схемами и цифрами. Напротив него в кресле развалился его партнёр по event-направлению — Артём Воронов, тридцатипятилетний красавец с вечно растрёпанной шевелюрой и легкомысленным выражением лица, за которым скрывался острый деловой ум. Артём отвечал за организацию мероприятий в ресторанах Корнеева, и именно он курировал самый амбициозный проект осени — благотворительный «Венский бал».

— Итак, что мы имеем, — говорил Артём, загибая пальцы, — площадка «Высоты» почти готова, приглашения разосланы, оркестр утверждён, меню ты утвердил лично трижды, доведя шеф-повара до нервного срыва. Остаётся сущий пустяк — танцевальная программа.

Михаил поморщился:

— Найми кого-нибудь. В городе полно хореографов.

— Полно, — согласился Артём, откидываясь в кресле. — Я обзвонил пятерых. Трое заняты, один запросил такой ценник, будто мы ставим открытие Олимпиады, а пятая... как бы тебе сказать... она учит танцевать танец живота. Для Венского бала, Миш, нужен кто-то особенный. Кто-то, кто понимает толк в вальсе. Кто-то, кто умеет работать с людьми, а не только с профессионалами. И, — Артём сделал театральную паузу, — у меня есть идеальный кандидат.

— Ну? — Михаил нетерпеливо побарабанил пальцами по столу.

— Полина. Помнишь ту девушку на свадьбе Кирилла? Хореограф, лучшая подруга Лены. Ты с ней ещё вальс танцевал, и весь зал аплодировал стоя.

Михаил замер. Имя ударило под дых. Он, конечно, помнил. Помнил слишком хорошо — и светлую прядь, выбившуюся из причёски, и то, как она вложила пальцы в его ладонь, и как они вместе кружились под «Осенний вальс», и как сердце его тогда пропустило пару ударов. Помнил и то, что после написал ей на визитке свои слова, но ответа не получил. Молчание было красноречивее любого отказа.

— Нет, — отрезал он. — Давай искать дальше.

— Почему? — удивился Артём. — Вы вроде неплохо поладили в итоге. Я видел, как ты на неё смотрел.

— Я на неё не смотрел, — резче, чем хотелось, ответил Михаил. — И мы не поладили. Мы просто перестали ссориться на людях. Это другое.

— Ой, да ладно, — Артём усмехнулся. — Я никогда не видел, чтобы ты так танцевал. Обычно ты двигаешься как манекен на шарнирах. А с ней — по-человечески. Она точно профи.

Михаил подошёл к окну и уставился на реку. В голове роились мысли. Полина. Гордая, колючая, с больными коленями и потрясающим талантом, который она прятала в подвальной студии. Он знал о ней больше, чем показывал. После свадьбы он, движимый странным любопытством, навёл справки — осторожно, через общих знакомых. Узнал о травме, разру-

шившей балетную карьеру. Узнал о студии, которая еле держится. Узнал, что бабушка, чьи ноты он испортил, была её главной опорой в детстве. И чувство вины, которое он так старательно глушил работой, снова подняло голову.

— Дело не в её профессионализме, — тихо сказал он. — У нас с ней... сложная история.

— Тем лучше, — хмыкнул Артём. — Значит, скучно не будет. Слушай, Миш, время поджимает. До бала два месяца. Нам нужен хореограф, который не просто поставит танец, а станет лицом программы. Я перерыл всё, но лучше неё нет. Так что либо ты идёшь к ней с деловым предложением, либо мы отменяем интерактивную часть, и бал превращается в скучный фуршет с живой музыкой.

Михаил вздохнул. Артём был прав, и это раздражало. «Высота» — его флагманский ресторан на крыше небоскрёба, и благотворительный бал должен был стать главным светским событием года. Спонсоры, пресса, городская элита. Ударить в грязь лицом он не мог. И если для успеха нужна Полина — что ж, он пойдёт к ней. Как бизнесмен к бизнесмену. Только работа, ничего личного.

— Хорошо, — сказал он, поворачиваясь к Артёму. — Узнай адрес её студии. Я поеду лично.

Студия «Арабеск» встретила Михаила запахом воска, старого дерева и лёгкой примесью пота — запахом труда и упор-

ства. Он стоял перед обшарпанной дверью в полуподвал, сжимая в руке папку с контрактом, и чувствовал себя нелепо в своём дорогом пальто и начищенных туфлях. Здесь, на этой тихой улочке с облезлыми фасадами, его ресторанный лоск казался почти неприличным.

Он постучал. Тишина. Постучал снова. За дверью послышались лёгкие шаги, и через мгновение она распахнулась.

Полина стояла на пороге в простом сером свитере и чёрных леггинсах, с волосами, собранными в небрежный пучок. На лбу блестели капельки пота — видимо, она только что закончила репетицию. Увидев Михаила, она на секунду замерла, и в её глазах промелькнул целый спектр эмоций: удивление, настороженность, искра гнева и что-то ещё — то, что она тут же спрятала за привычной броней холодности.

— Вы? — выдохнула она. — Что вам здесь нужно?

— Здравствуйте, Полина, — произнёс Михаил, стараясь придать голосу ровный деловой тон. — Я по работе. Вы позволите войти?

Она медлила несколько секунд, буравя его взглядом. Потом отступила в сторону:

— Заходите. Только у меня нет кофе, так что обойдёмся без сцен.

— Переживу, — сухо ответил он, переступая порог.

Внутри студия оказалась именно такой, какой он её себе представлял: небольшой зал с зеркальной стеной, деревянные станки вдоль стен, чуть поцарапанный паркет, рояль в

углу, накрытый выцветшим бархатом. Пахло детством — той самой балетной школой, куда Аня так мечтала попасть. Михаил снял пальто, оставшись в безупречном тёмно-синем костюме, и огляделся.

— Уютно, — сказал он.

— Спасибо, — отозвалась Полина, скрестив руки на груди. — Я не набиваю цену, если что. Говорите, зачем пришли. У меня через час группа.

Михаил кивнул, достал из папки контракт и положил его на стол.

— Мой ресторанный дом выступает генеральным спонсором и организатором благотворительного «Венского бала», который состоится в декабре в ресторане «Высота». Это крупное городское событие, будут СМИ, меценаты, мэр. В программе — профессиональный балетный номер, а также интерактивная часть: обучение гостей вальсу и массовый танец. Мне нужен хореограф-постановщик. Тот, кто сможет не только поставить композицию, но и работать с неподготовленными людьми. Артём, мой партнёр по организации, рекомендовал вас. Я... изучил рынок и согласился.

Полина слушала, не перебивая. Её лицо оставалось бесстрастным, но внутри всё кипело. Значит, вот как. Он изучил рынок. Она для него — просто товар, один из пунктов в тендере. И пришёл он не потому, что сожалеет, не потому, что их танец что-то значил, а потому что «рекомендовали». Она медленно взяла контракт, пробежалась глазами по

строчкам. Сумма гонорара заставила её сердце пропустить удар. Этих денег хватило бы не только на аренду за три месяца вперёд, но и на новый станок, и на костюмы. Сумма, от которой невозможно отказаться.

— Здесь указан двухмесячный график, — заметила она, не поднимая глаз. — Три репетиции в неделю, плюс постановка. И финальный выход на сцену. Вы уверены, что справитесь? Я помню, как вы танцевали. Без обид, но ваша техника — это катастрофа.

— Я буду не единственным участником, — парировал Михаил, сдерживая раздражение. — Моя задача — организационная. Но я, возможно, буду участвовать в показательном номере как представитель спонсора. И я готов тренироваться.

— Готов тренироваться? — Полина подняла на него глаза, и в них сверкнул вызов. — А готовы ли вы к тому, что я буду вами командовать? Что вы будете делать то, что я скажу, без возражений? Что никакие «рестораторские замашки» здесь не прокатят? Здесь я — главная.

Михаил встретил её взгляд. Она стояла перед ним — хрупкая, с острыми плечами и решительным подбородком, и в эту минуту напоминала генерала перед битвой. Это было даже забавно. И притягательно.

— Согласен, — произнёс он. — На период работы я — ваш ученик. Это деловой контракт, Полина. Ничего личного.

— Вот именно, — она резко положила контракт обратно

на стол. — Ничего личного. Мы не друзья. Мы не приятели. Мы — временные партнёры. И когда проект закончится, каждый пойдёт своей дорогой. Вас это устраивает?

— Полностью, — ответил Михаил.

Полина помолчала, глядя на него. Она пыталась найти в его лице подвох, скрытую насмешку, что угодно — но видела только сдержанную деловую маску. Это было почти обидно. Тот Михаил, что танцевал с ней на свадьбе и оставил записку на визитке, куда-то исчез. Перед ней стоял Корнеев-ресторатор — собранный, холодный, готовый купить всё что угодно, включая её время и талант.

— Хорошо, — сказала она, беря ручку. — Я подпишу. Но с двумя условиями.

— Слушаю.

— Первое: репетиции проходят здесь, в моей студии. Я не езжу по вашим ресторанам.

— Справедливо.

— Второе: если в процессе работы я пойму, что вы не справляетесь или мешаете процессу, я имею право расторгнуть контракт в одностороннем порядке. Без возврата аванса.

Михаил усмехнулся:

— Вы опасный переговорщик, Полина. Кто вас научил?

— Жизнь, — коротко ответила она и поставила подпись.

Он тоже подписал — быстро, размашисто. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, когда он передавал ей папку с её

экземпляром. Искра, пробежавшая между ними, была почти физической — лёгкое покалывание, от которого Полина отдёргнула руку быстрее, чем следовало.

Михаил сделал вид, что ничего не заметил.

— Тогда в понедельник в десять утра, — сказал он, направляясь к выходу. — Первая репетиция.

— Не опаздывайте, — бросила она ему вслед. — И наденьте что-нибудь, в чём можно двигаться. Ваш костюм стоит как моя месячная аренда, и я не хочу, чтобы вы порвали его, пытаюсь сделать плие.

Он обернулся у двери и вдруг улыбнулся — не дежурной усмешкой, а почти тепло:

— Сделаете из меня танцора, мисс Хореограф?

— Я сделаю из вас человека, который не позорится на людях, — ответила Полина. — Для начала. А там посмотрим.

Дверь закрылась. Полина осталась одна в пустой студии. В руках у неё был подписанный контракт, а на душе — странная смесь облегчения и тревоги. Она только что связала себя обязательствами с человеком, который бесил её до дрожи, и в то же время — с тем единственным мужчиной, после танца с которым она не могла уснуть полночи.

— Только работа, — прошептала она, глядя на своё отражение в зеркале. — Только работа.

Отражение смотрело на неё с сомнением. И где-то в глубине зеркала, среди пыльных станков и выцветшего бархата, словно звучал далёкий мотив вальса — напоминание о том,

что сердце не всегда подчиняется контрактам.

А Михаил, садясь в машину, чувствовал, как колотится пульс. Он приехал сюда, чтобы закрыть деловой вопрос, а уезжал с мыслью, что следующие два месяца будут самыми сложными в его жизни. И виной тому была вовсе не танцевальная программа.

Глава 5. Первый шаг

Понедельник начался для Полины раньше будильника. Она проснулась в шесть утра с колотящимся сердцем и неприятным чувством, будто забыла что-то важное. За окном моросил скучный осенний дождь, превращая мир в размытую акварель, а в голове крутилась одна и та же мысль: «Сегодня он придёт».

Она рывком села на кровати, отбросила одеяло и босиком прошлёпала на кухню. Включила чайник, оперлась о столешницу и уставилась в окно. За мокрым стеклом дворник лениво сгребал листья в кучу. Обычное утро обычного дня, но внутри всё звенело от напряжения. Прошло три дня с тех пор, как она подписала контракт, и каждый из них она пыталась убедить себя, что это просто работа. Просто способ спасти студию. Просто деловое соглашение между ней и Михаилом Корнеевым, человеком, который однажды назвал её танец бесполезным, а потом кружил в вальсе так, что земля уходила из-под ног.

«Соберись, — строго сказала она своему отражению в чайнике. — Ты профессионал. Он — деревянный ресторатор, которому нужно поставить пару движений. Ничего личного».

Чайник закипел, и она заварила себе травяной чай — кофе в последнее время вызывал слишком много ассоциаций с

пролитым эспрессо. Потом надела привычную форму: чёрные леггинсы, мягкую тунику с длинным рукавом, собрала волосы в тугий пучок. В зеркале отразилась строгая, собранная женщина — ни следа вчерашней усталости, ни намёка на бессонную ночь. Она осталась довольна. Броня надета.

В студию она пришла за час до назначенного времени. Проветрила зал, протёрла зеркала, поправила станки, включила негромкую музыку — что-то нейтральное, инструментальное, чтобы настроиться. По привычке проверила колёно: осторожно согнула, разогнула — сустав отозвался привычной глухой болью. Терпимо. Она знала, что к вечеру будет хуже, но утренняя репетиция обещала быть лёгкой. Всего лишь первый урок, ничего сложного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.